РАЗСКАЗЪ

плѣнника Федора Федорова Грушина[1]).

Взятъ я въ плѣнъ въ 1819 году, весною, на третьей недѣлѣ послѣ пасхи, въ четвертокъ. Отроду мнѣ нынѣ (1829) 36 лѣтъ; по званію я коренной сызранскій мѣщанинъ. Занимаясь рыболовнымъ промысломъ, вышелъ я изъ Астрахани, на страстной недѣлѣ, въ среду, на собственной своей лодкѣ, съ товарищемъ, удѣльнымъ крестьяниномъ Дмитріемъ Афанасьевымъ, да съ нанятымъ работникомъ Дмитріемъ — по прозванію какъ, не знаю. На третій день по выходѣ прибыли мы къ Монгишлаку,

---

[1]) Живучи въ Оренбургѣ, я имѣлъ случай собрать разныя свѣдѣнія о Средней Азіи. Это доселѣ, для Европы, страна неприступная, темная. Варварство хивинцевъ, бохарцевъ, коканцевъ и проч. служитъ неодолимою преградою для нашихъ путешественниковъ, и единственное средство для полученія свѣдѣній о странахъ этихъ, это распросы и словесныя показанія плѣнниковъ нашихъ и азіатскихъ купцовъ. Предлагаю читателямъ нѣсколько отрывковъ въ этомъ родѣ. Я обязанъ большею частію за любопытныя свѣдѣнія эти доброжелательству и просвѣщенному стремленію предсѣдателя пограничной въ Оренбургѣ коммисіи, г–на генералъ–маіора Гелеса. Замѣчу еще, что во всѣхъ разсказахъ этихъ говорю я языкомъ разсказчика.

стали на десяти саженяхъ [2]), верстахъ въ десяти отъ черней [3]) и начали ловить рыбу. Тутъ прошла мимо насъ посуда проживающаго въ астраханскомъ царевомъ предмѣстіи татарина Мустаева. На суднѣ этомъ сидѣлъ самъ хозяинъ Мустаевъ, и везъ онъ хивинцевъ изъ Астрахани на Монгишлакъ. Когда посуда Мустаева поравнялась съ нами, захватилъ ее штиль [4]); у меня почитай вышла прѣсная вода, и я подъѣхалъ на бударкѣ [5]) къ Мустаеву и налилъ у него боченокъ. Вѣтерокъ скоро задулъ, и посуда его подошла подъ берегъ; а мы остались для залова на мѣстѣ.

Дня три спустя, во время безвѣтрія, въ полдень, подошла къ посудинѣ моей лодка, на которой было 12 человѣкъ трухменцевъ, съ самопалами [6]), пристала къ борту и трухменцы взяли меня съ двумя товарищами, связали и повели на берегъ. Разбойники эти были изъ числа тѣхъ

---

[2]) Глубины.
[3]) Отъ береговъ.
[4]) Безвѣтріе, затишь.
[5]) Долбушка, маленькая лодченка.
[6]) Ружья съ фитилями.

самыхъ трухменцевъ, которые въ 10 или 11–мъ году, разбитые и ограбленные въ пухъ киргизами, были привезены, въ числѣ 700 человѣкъ, въ Астрахань и жили въ Царевѣ, гдѣ половина ихъ живетъ и понынѣ. Они говорили довольно чисто по русски и признавались мнѣ въ ту пору, что Мустаевъ научилъ ихъ какъ насъ забрать. Одного изъ трухменцевъ этихъ звали, помнится, Ата Ніязъ [7]).

Опять дня черезъ три пріѣхали съ посуды Мустаева, стоявшей верстахъ въ семи отъ береговъ, хивинцы: Худайберганъ, Алла–Шукуровъ, Пачаевъ и Клычъ–бай–Зергянъ съ товарищами; они купили насъ плѣнныхъ у разбойниковъ и повели на свое судно. Здѣсь я, во время недѣльной стоянки и выгрузки судна, часто видалъ астраханца Мустаева и просилъ его, чтобы онъ выкупилъ меня да выручилъ, но онъ смѣялся и ругался мнѣ въ глаза. По выгрузкѣ судна, Мустаевъ снялся и пошелъ съ разбойниками своими — а было ихъ

[7]) Ата–Ніязъ не миновалъ достойной участи: онъ пойманъ впослѣдствіи.

человѣкъ съ восемь — въ Астрахань, а насъ погнали съ караваномъ въ Хиву.

Тутъ прожилъ я только дня три у Худайбергана, а тамъ купилъ меня и съ товарищами ханъ хивинскій Мохамедъ–Рахимъ [8]) и заплатилъ за всѣхъ троихъ 150 голландскихъ червонцевъ; да забылъ сказать, что и трухменцы, продавъ насъ Худаю, взяли съ него столько же — 150 червонцевъ: съ хана своего ни барышей, ни могарычей взять они не смѣютъ.

Меня нарядили въ работу при загородномъ домѣ ханскомъ. Такъ прошелъ годъ, какъ вздумалъ я, съ товарищемъ Дмитріемъ да съ другимъ плѣннымъ, Платономъ Кирѣевымъ, который называлъ себя крестьяниномъ казанскаго помѣщика Киселева, бѣжать; ханъ былъ о–ту–пору на охотѣ, въ Кунградѣ. Мы благополучно ушли и хотѣли пробраться песками къ Куня–Ургянгу [9]), а тамъ, черезъ Кара–Умбетъ [10]), въ Россію; да на 4–й день побѣга захватили насъ въ пескахъ

---

[8]) Отецъ нынѣшняго хана Алла–Кула.
[9]) Бывшая столица ханства, разоренная и покинутая. Нынѣ по случаю большихъ разливовъ Аму–Дарьи, Кунъ–Ургангъ опять сталъ населяться.
[10]) Холмъ, бугоръ подлѣ окраинъ Чилека на Усть–Уртѣ.

трухменцы и представили снова въ Хиву: Кушъ–беги велѣлъ дать каждому изъ насъ по 200 нагаекъ, и на этомъ дѣло кончилось.

Опять жилъ я, тамъ же, въ черной работѣ, два года, и сбѣжалъ съ плѣннымъ же Осипомъ — по прозванію не знаю. Мы пошли было, несчастье, прямо къ Персіи; десять дней прошли по ночамъ благополучно, какъ опять поймали насъ трухменцы, да снова представили хивинскому хану. Ханъ, не долго думавъ, приказалъ намъ окорнать носы и уши; надъ бѣднымъ Осипомъ учинили по приговору, а за меня просилъ ханскій сынъ Рахманъ–Кулъ. Ханъ приказалъ пригвоздить меня ухомъ подъ висѣлицу, да опять, по просьбѣ сына, смиловался и велѣлъ дать 300 нагаекъ. Ханъ бы и не спустилъ мнѣ на этотъ разъ, да онъ и самъ немного жаловалъ меня по особому случаю: мѣсяца съ два послѣ прибытія моего въ Хиву, поднялъ я, какъ заставили меня во дворѣ ханскомъ таскать пшеницу, мѣшокъ въ полтора слишкомъ батмана (въ 13 пудовъ) и свалилъ его гдѣ слѣдовало на чердакъ.

Хану заразъ объ этомъ доложили; он прозвалъ меня пеглюваномъ, полваномъ [11]), и съ той поры пошелъ я по Хивѣ ходить полванъ–куломъ [12]), и другаго прозванія мнѣ не было. Ханъ искалъ и любилъ силачей и хотѣлъ привязать меня къ себѣ; и такъ, простивъ меня, опричь того, что опять побилъ, призвалъ къ себѣ, заставилъ клясться, что уже болѣе не уйду, и опредѣлилъ въ войско свое, давъ мнѣ копье и ружье.

Вскорѣ потомъ столкнулись мы съ другимъ полваномъ, природнымъ хивинцемъ, который за силу свою былъ въ большой чести у хана, и котораго боялись во всей Хивѣ какъ сатаны. «Погоди» подумалъ я «нешто я не собью съ тебя спѣси, а то будешь ты у меня тише воды ниже травы!» Ханъ заставилъ и его поднять мѣшокъ пшеницы, и онъ его приподнялъ. «Ступайте же, мѣряйтесь» сказалъ ханъ «пытайте силы; хочу знать, кому изъ васъ быть полваномъ.» Мой хивинецъ пошелъ,

[11]) Силачемъ.
[12]) Кулъ, рабъ.

подползъ подъ арбу [13]) съ дынями, надулся, понатужился и приподнялъ ее на хребтѣ. Полѣзъ и я въ свой чередъ; тяжело, правда, было, а таки приподнялъ и я арбу, тряхнулъ и опустилъ опять на мѣсто. «Теперь что?» спросили люди. — А теперь, сказалъ я, спину ломать да надсаживаться по пустому нечего; пусть–ка ханъ вашъ прикажетъ выйдти намъ по нашему, по русски, вдвоемъ на–кулачки; такъ вотъ тутъ уже фальши не будетъ никакой; окажется кто полванъ, кто болванъ. Какъ услышалъ ханъ это, приказалъ подраться намъ, заразъ. Тутъ полванъ мой отказался, струсилъ, самъ себя не узналъ. Хану доложили; призываетъ насъ обоихъ: «деритесь на кулачки по русски при мнѣ, сейчасъ.» Болванъ ему въ ноги: «хоть рѣжь, хоть сѣки» говоритъ «а драться не стану; неравно искалечитъ меня урусъ [14]), такъ и честь быть при тебѣ полваномъ не стоитъ того.» Ханъ приказалъ мнѣ побить его, чтобъ подзадорить; я ударилъ было разъ,

[13]) Телѣга.
[14]) Русскій.

другой, легонько, да онъ выскочилъ въ двери и въ ворота и забился промежъ народа, на базарѣ. «Поди же» говоритъ ханъ мнѣ; «найди его и на базарѣ, задери его, какъ знаешь; а коли–де драться и тамъ не станетъ, такъ избей его, чтобъ не трусилъ.» Пошелъ я, поймалъ его за воротъ; онъ отъ меня, согнувшись, задомъ и въ бокъ, давай рваться, я, не долго думавъ, отвѣсилъ ему, собакѣ, пары съ двѣ заушинъ добрыхъ, избилъ всего въ кровь и зубовъ дочелся ли, нѣтъ ли, не знаю; такъ я его и кинулъ. Народу на базарѣ было – вся Хива; опозорился полванъ мой, хоть въ люди не кажись, а я ужъ сталъ съ той поры первымъ, не стало мнѣ ни ровни, ни сопротивника, и никто по цѣлому ханству не смѣлъ поперечить мнѣ, ни же словомъ однимъ. Ханъ сдѣлалъ меня придверникомъ и первымъ докладчикомъ своимъ; изъ этой должности былъ я разжалованъ и снова пожалованъ въ нее по нѣскольку разъ — признаться просто и по правдѣ — за хмѣльное: бывало то съ горя хватишь, то опохмѣлишься, а ужъ за это я виноватъ,

нечего грѣха таить, чуть заворотъ попало — такъ и самъ чортъ мнѣ не братъ; и буянилъ я тамъ не мало: не осталось, чай, у хивинскаго хана придворнаго человѣка, которому бы не случилось мнѣ почистить галуны. За то, какъ вступилъ новый ханъ, пересталъ я пить и буянить и былъ снова пожалованъ и оставался въ званіи своемъ до самаго побѣга.

Нынѣшній ханъ, Алла–Куллъ, въ началѣ декабря минувшаго 28 года, поѣхалъ на охоту къ городу Кунгурту и взялъ, какъ и всегда водилось, меня съ собою. Городъ этотъ разоренъ; но ханскій загородный домъ еще живъ: тамъ онъ остановился. Тутъ дошла до хана вѣсть о томъ, что астраханскій мѣщанинъ Степанъ Вахрамѣевъ и пензенскій однодворецъ Федоръ Мерзляковъ, бывшіе у него въ неволѣ и бѣжавшіе, учинили это при моей помощи; оно таки и не безъ того и было, ихъ вывезъ изъ Хивы, тайно, киргизъ Садыкъ Таубаевъ, а они разсказали обо всемъ въ Астрахани, а оттолѣ вѣсть дошла и Хивы. Ханъ и положилъ: коли–де

Садыкъ–Таубаевъ, котораго надѣялся поймать, покажетъ подъ пыткою на меня, такъ зарѣзать меня, какъ барана, ножемъ. «Дѣло плохо» подумалъ я: «надо до поры убираться.» И сговорился я съ надежными ребятами, съ астраханскимъ мѣщаниномъ Тихономъ Рязановымъ, съ пасынкомъ астраханскаго купца Захара Поликарпова, Ильею Федоровымъ, и съ уральскимъ казакомъ Максимомъ Парфеновымъ, да съ Богомъ уговорились уйдти 24 декабря, на самый сочельникъ рождественскій.

У меня была своя палатка; я велѣлъ поставить ее на чистомъ мѣстѣ, за дворомъ ханскимъ, а самъ легъ, какъ всегда, поперегъ порога ханской почивальни: тутъ рядомъ со мной спали и всѣ сановники, вельможи ханскіе. Когда всѣ заснули, то я вышелъ тихонько, и велѣлъ осѣдлать четырехъ аргамаковъ, бывшихъ у меня при палаткѣ, и пошелъ еще во дворъ ханскій за другими, собственными его, хана, аргамаками, потому что они были для насъ понадежнѣе. Три чембура перерѣзалъ я благополучно; за четвертый ухватился —

тутъ проснулся сторожъ, также русскій плѣнникъ, да окликнулъ меня. На дворѣ было о–ту–пору человѣкъ до тысячи; я одного–то аргамака покинулъ, выскочилъ со двора съ тремя, кинулся съ Рязановымъ на лошадей у ставки моей, вскочили, да по одному ханскому аргамаку взяли въ заводъ — и поскакали. Товарищи наши оплошали какъ–то: при нихъ остались три коня да весь запасъ дорожный, а съ ними не было ничего. При насъ были одни самопалы да копья, а хлѣба ни крохи.

Гнали мы и въ хвостъ и въ голову; ночь была темная, и доскакали мы до разсвѣта въ камыши озеръ кунгратскихъ, на Аральскомъ морѣ, гдѣ и пролежали въ камышахъ весь день Рождества Христова. На ночь поѣхали далѣе, и видали путемъ немалое число народа; всѣ они, спѣшившись, отдыхали, лежали на землѣ: это была погоня, какъ узнали мы послѣ; ханъ посылалъ за нами 70 человѣкъ; либо они спали, либо боялись приступиться ко мнѣ, можетъ, трафилось, не одному изъ нихъ отъ меня ходить — шея коломъ, щека

волдыремъ; а я, признаться, не спускалъ имъ, коли который ловко подвертывался. На третій день выбились изъ силъ и мы и лошади. Что у нихъ, что у насъ, трои сутки, безъ малаго, ни крохи во рту не бывало, а морозы ужъ стали показываться порядочные. Дѣлать было нечего: чѣмъ пропадать вовсе голодомъ, искать пришлось ауловъ киргизскихъ; а тамъ что Богъ дастъ. 31 декабря наѣхали мы на аулъ каракисяковъ [15]), по берегу Каспійскаго моря, верстъ 30 отъ устья р. Эмбы. Мы подъѣхали сперва къ табуну, верстъ 20 отъ аула, и сказались бѣглыми изъ Россіи въ Хиву татарами, ѣдущими нынѣ опять въ Россію, чтобъ узнать, можно ли намъ съ товарищами воротиться домой, по всемилостивѣйшему манифесту, о которомъ будто слышно было. Табунщики накормили насъ; побывъ тутъ еще дня съ два, поѣхали мы въ аулъ, взявъ у пастуховъ одну лошадь; потому что одинъ аргамакъ нашъ отказывался вовсе и едва дошелъ въ поводу. Въ аулѣ, старшина Тугунузъ–Бай

[15]) Одно изъ кайсацкихъ племенъ.

принялъ насъ хорошо, повѣрилъ во всемъ и обѣщалъ отправить насъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, въ Гурьевъ, за что просилъ съ насъ пару аргамаковъ нашихъ, оружіе, да кой что изъ платья. Мы охотно на все было и согласились, безъ торгу; да наканунѣ отъѣзда нашего, чортъ принесъ изъ Хивы киргизовъ, между которыми былъ и Кулатай, тотъ самый, который былъ вожакомъ при хивинскомъ послѣ Вуисъ–Ніязѣ, приводившемъ, въ 1826 году, слоновъ въ сарайчиновскую крѣпость. Кулатай часто бывалъ въ Хивѣ и узналъ меня, что глянулъ. Тугунузъ–Бай однакоже либо не вѣрилъ обѣщаніямъ хивинскаго хана, который, по словамъ Кулатая, сулилъ за меня золота, сколько потяну вѣсу, либо, кочуя близь линіи, боялся нашего начальства; онъ таки, по прежнему, обѣщался выслать насъ въ Гурьевъ. Кулатай говорилъ еще, что ханъ посылалъ за нами 70 человѣкъ погони, что товарищи наши, Ѳедоровъ и Парфеновъ, также ушли, а другіе киргизы сказывали тутъ же, что видали на Эмбѣ двухъ русскихъ, гнались за

ними, да одинъ изъ нихъ подбилъ подъ киргизомъ лошадь и погоня кончилась [16]). Теперь завязалась ссора; Кулатай шумѣлъ, стращалъ и отнялъ наконецъ, обще съ товарищами своими, насъ съ Рязановымъ отъ Тугунузъ–Бая и стали промежь собою спорить, что съ нами дѣлать? Они толковали вотъ что: коли–де отвеземъ ихъ въ Хиву, какъ, того гляди, султанъ Чингали Урмановъ разоритъ насъ; а коли отвеземъ въ Россію, то киргизы же станутъ править съ насъ пеню за одежду, оружіе и коней; да и сверхъ того, это было бы противно вѣрѣ ихъ; а потому и порѣшили: убить насъ тайкомъ, чтобы никто объ этомъ не вѣдалъ, и сказать, что мы ушли. Тугунузъ–Бай и другіе киргизы совѣтовали везти насъ въ Россію, а четыре только: Кулатай, Дусанъ–Батырь, Нуръ–Джигитъ и Тума были непреклонными злодѣями нашими. Они, будто согласились, сказали, что повезутъ насъ въ Россію и поѣхали по пути на Гурьевъ. Отъѣхавъ верстъ 20, стали и начали раздѣвать насъ обоихъ до–нага;

[16]) Они, по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, найдены убитыми.

долго опять спорили и кричали, да опять велѣли одѣваться и поѣхали далѣе. Такъ какъ я болѣе съ ними шумѣлъ и ругался, да они же и знали меня какъ полванъ–кула, такъ за мною болѣе присматривали; мнѣ трудно было отлучиться, я и велѣлъ Рязанову бѣжать въ ближній аулъ, по пути, и сказать все до чиста. Разбойники схватились его, когда онъ уже дошелъ до аула, а потому и поѣхали за нимъ со мною. Тутъ спросили они насъ, гдѣ хотимъ умереть: на мѣстѣ, или въ Хивѣ? Отъ смерти что дальше, то и лучше: оба мы сказали, чтобы везли, коли такъ, въ Хиву. И повезли насъ назадъ, въ аулъ Дусанъ–Батыря, верстъ 15 отъ аула Тугунузъ–Бая. Здѣсь продержали насъ четыре дня, а послышавъ, что султанъ Иркенъ–Гали Каратаевъ узналъ объ насъ, и хочетъ насъ выручить, рѣшились уже лучше сами вести насъ въ Гурьевъ, чтобы не отдать даромъ султану и не лишиться награды отъ начальства нашего, за доставленіе наше. Они подлинно поѣхали и пустились съ нами, окольными дорогами, на Гурьевъ; но

посланцы султанскіе нашли ихъ и заворотили, вмѣстѣ съ нами, въ аулъ султанскій. Тутъ они оправдались тѣмъ, что везли–де насъ въ Россію. Султанъ подарилъ имъ по лошади, а насъ взялъ и содержалъ дня два хорошо; а тамъ отправилъ подъ Гурьевъ, отколѣ прибыли мы къ правителю западной части Арды, къ султану Чингалію Урманову, который и отправилъ насъ тотчасъ въ Оренбургъ.

Послѣ Мохаммедъ–Рахимъ–Хана остались дѣти: 1) нынѣшній ханъ Алла–Кулъ, 2) Рахманъ–Кулъ–Тюря, 3) Хаджджай–Кулъ–Тюря, 4) Сеидъ–Махмудъ–Тюря, 5) Сеидъ–Ахмедъ–Тюря, 6) Сеидъ–Мохаммедъ–Тюря, 7) Тянгри–Кулъ–Тюря.

У хана Алла–Кула дѣти: 1) Рахимъ–Кулъ–Тюря, 2) Бабаджанъ–Тюря; первый 15, другой 10 лѣтъ (1829).

Разстояніе и положеніе всѣхъ хивинскихъ городовъ знаю я что по пальцамъ. Вотъ они:

Гурлянъ отъ рѣки верстахъ въ семи. Садовъ около него много, Азарысъ отъ

рѣки также; Кармазы также: ни городъ, ниже окрестности водою не понижаются. Ургянгъ отъ рѣки верстъ 5, на высокомъ мѣстѣ. Худжили стоитъ на половинѣ пути между Пятняка и Кунграта, по дорогѣ на Хиву: и эта дорога прямѣе. Юмру отъ рѣки верстахъ въ 5; отъ Юмру идетъ гора, на западъ; по ту сторону рѣки Аму–Дарьи такая же гора, и потому здѣсь рѣка течетъ въ узкихъ берегахъ, не шире полуверсты. Самое высокое мѣсто во всемъ хивинскомъ ханствѣ Китай, или Бишъ–Арыкъ. На половинѣ пути отъ него до Хивы, стоитъ дворъ ханскій Янарыкъ. Озеро Кара–Кулъ въ окружности версты три. Узеки, по нашему: прораны, рукава, начинаются ниже Худжили, въ 30 верстахъ; а близь помянутаго города Аму–Дарья течетъ въ одно русло. Стѣна худжилійская разваливается. Кунгратъ стоитъ на низменномъ мѣстѣ, однако далеко не понимается. Стѣна также обваливается. Городъ нынѣ опустѣлъ вовсе. Ниже по рѣкѣ, въ верстѣ, стоитъ ханскій дворъ съ садомъ и пашнями, на которыхъ работаютъ

не рабы, а каракалпаки, которыхъ тутъ по близости кибитокъ тысячи три. Послѣ разоренія Кунграта, году никакъ въ 1815, усбеки, жители города, выселены всѣ на хивинскую землю.

Тутъ, около Кунграта, есть травы и сѣнокосы порядочные. Новый караванъ–сарай хивинскій не великъ, сажень 50 во всѣ четыре стороны; выстроенъ онъ въ два яруса; лавокъ въ немъ съ 50.

Улицы во всѣхъ городахъ цѣлаго ханства узки, нечисты, завалены костьми, дохлыми кошками и собаками, даже и крупной скотиною; да сверхъ того жители обоего пола всегда и все исправляютъ на улицахъ, гдѣ ни попало. Скотину и лошадей кормятъ плохо, по бѣдности въ кормахъ. Даже и ханскіе аргамаки стоятъ по суткамъ безъ корму. И чего аргамаки, коли и женамъ своимъ ханъ отпускаетъ хлѣбъ на вѣсъ: на весь дворъ ханскій, тутъ на женъ и на самого его, выходитъ въ день 3 пуда пшеничной муки, 2 пуда сорочинскаго пшена, 1 пудъ мяса, да полтора кунжутнаго масла. Многія изъ ханскихъ женъ

посылаютъ остатки отъ плава своего на базаръ и покупаютъ на вырученную копѣйку шелкъ и другія мелочи. У каждой жены свой покойчикъ. На малой ханской кухнѣ стряпаетъ плѣнная персіянка, и едва только сама бываетъ сыта поскребышами, а наша землячка, Анна Васильевна Костина, служитъ у него за стряпуху на большой кухнѣ, т. е. у большаго котла. Два раза въ день приходятъ къ ней посланцы и служанки со всего двора отъ женъ и дѣтей ханскихъ съ глиняными чашками — а каждому и каждой по мѣсту и званію, положена и чашка, кому маленькая, кому побольше, — и Анна Васильевна отбивается уполовникомъ, огрызается во всѣ стороны, шумъ подниметъ на кухнѣ во-весь базаръ, — и, отпустивъ имъ, каждому что слѣдуетъ, кой-какъ и сама сыта бываетъ, и, глядишь, узелочекъ и домой тащитъ. Хану идетъ самая большая доля, большое блюдо горой, такъ-что онъ никогда его не поѣдаетъ, а остатки ѣдятъ: куш-беги, мяхтяръ, всѣ первые министры и сановники двора, которые и ждутъ каждый обѣдъ,

чтобъ вынесли имъ остатки. При этомъ дѣлежѣ, и мнѣ, какъ близкому человѣку, слѣдовала доля; да какъ–то совѣстно было кидаться, по–собачьи, на поскребыши посуды ханской; за то ужъ — не разъ и не два разнималъ я господъ сановитыхъ, какъ бывало подерутся за чашку плаву, что собаки за кость — разнималъ я ихъ по своему; чай, помнитъ меня не одинъ и теперь [17]).

Во дворѣ ханскомъ есть большой лѣтній пріемный покой; онъ выбѣленъ и разукрашенъ сусальною позолотою. Покой этотъ отдѣланъ въ 1828 году и съ тѣхъ поръ освѣщается, по ночамъ, одною сальною свѣчею, и полагается на ночь двѣ маленькія свѣчи. Во всѣхъ другихъ покояхъ, и въ зимнемъ пріемномъ, то есть въ кошемной кибиткѣ ханской, горитъ масло, которое выбиваютъ изъ сѣмянъ хлопчатой бумаги.

Чай пьетъ въ цѣломъ дворцѣ одинъ только ханъ, да и то калмыцкій, кирпичный, а изрѣдка только другой; раза два въ

---

[17]) Всѣ подробности эти, для незнающихъ Средней–Азіи, могутъ показаться странными и даже вовсе невѣроятными. Надѣюсь современемъ представить доказательства и поясненія на простодушные разсказы плѣнниковъ нашихъ.

недѣлю пьетъ онъ чай съ сахаромъ. Онъ пьетъ изъ китайской чашки и подаетъ иногда остатки набольшимъ своимъ, которые пьютъ, прихлебывая каждый по–немногу и подавая чашку, словно братину съ медомъ, въ круговую; однако при этомъ дѣлежѣ драки не случалось. Ханскимъ женамъ и дѣтямъ чаю не даютъ никогда. Одѣваютъ ихъ, женъ и дѣтей, порядочно. Караула при дворѣ ханскомъ нѣтъ; придверниковъ бываетъ человѣка два, три, да и тѣ постоятъ да и отойдутъ, а оружія при себѣ не носятъ. Женъ было у хана съ десять; старшая ему хану приходится двоюродная сестра; она дочь Ильта–Зеръ–Хана. Въ Хивѣ, кого на чемъ поймаютъ, либо кто на кого докажетъ, такъ за всякое беззаконіе чуть только не казнятъ; а самъ ханъ, не приведи Богъ, что дѣлаетъ; нѣтъ ни стыда, ни совѣсти; — про вѣру и говорить нечего; — что не разбираетъ онъ жена ли, не жена ли, ну, ужъ зналъ бы женскій полъ, зналъ бы хоть уже по–крайности человѣка....

Аргамаковъ стоитъ на конюшнѣ ханской съ 40; съ пятокъ собственныхъ его. Сбруя конская, верховая у него хороша, — этимъ щеголяютъ, — вся въ серебрѣ, въ камняхъ, въ бирюзѣ; весь приборъ стоитъ 100 тилла [18]). Ханъ всегда носитъ при себѣ ханджаръ, тотъ самый, что былъ пожалованъ государемъ нашимъ хану Ширгазыю; да такой же, доставшійся послѣ Мендіара, носитъ и Рахманъ–Кулъ–Тюря.

Старшую ханшу отпускаетъ ханъ разъ въ годъ къ брату, и выѣзжаетъ она тогда изъ Хивы ночью. Брата этого зовутъ Рамъ–Берды–Тюря. Сестра гоститъ у него дня три; возятъ ее на простой арбѣ въ одну лошадь, на телѣгѣ, въ которой, — вѣрьте слову, не шучу, — въ которой возятъ ину пору и навозъ. Только покрываютъ арбу на этотъ разъ бѣлою кошмою. Лошаденку ведетъ въ поводу одинъ изъ плѣнныхъ, а съ ханшей сидятъ двѣ, либо одна служанка.

Хлѣбъ поспѣваетъ въ Хивѣ въ концѣ мая; народъ больше перебивается кой–какъ да кой–чѣмъ; хлѣба ѣстъ не много; осенью,

[18]) Тилла — около четырехъ цѣлковыхъ.

когда поспѣваютъ дыни, почитай ими только и живетъ, и болѣзней отъ этого не слыхать. Въ городѣ зерноваго хлѣба больше не вывозятъ на базаръ, какъ пудовъ по 500; стало–быть въ недѣлю, въ два базарные дня, больше закупить нельзя какъ пудовъ тысячу.

Каракалпаки, около Кунграта, сѣютъ много хлѣба, больше сорочинскаго пшена да проса. Въ Кунгратѣ батманъ, по нашему 45 фунтовъ, сорочинскаго пшена стоитъ двѣ таньки, то–есть одинъ рубль; батманъ проса стоитъ одну таньку. Пшеница въ одной цѣнѣ съ сорочинскимъ пшеномъ. Джугары [19]) сѣютъ мало; ему цѣна та же. У каракалпаковъ этихъ весь хлѣбъ разбираютъ киргизы; а кочующіе по Сыръ–Дарьѣ ходятъ на мѣну въ Хузеили, Урлянгъ, Гургянъ, а рѣдко и въ Хиву. Въ Хузеили хлѣба больше, чѣмъ въ Кунгратѣ; возятъ его даже и въ Хиву. Тамъ батманъ сорочинскаго пшена или пшеницы обходится по рублю; ячмень по полтинѣ. Просо ѣдятъ только каракалпаки. Ячмень

[19]) Особый родъ зерноваго растенія: зерны похожи на кукурузныя, но садятъ на поддонѣ, почти какъ у подсолнечника.

берутъ больше для лошадей. Въ Хивѣ батманъ сорочинскаго пшена 2 рубля, пшеница по рублю; ячмень гривенъ по шести.

Когда, въ 1826 году, послышали въ Хивѣ, что идетъ отрядъ русскій на Аральское море [20]), то ханъ собралъ совѣтъ, и порѣшили встрѣтить русскихъ съ хлѣбомъ и солью; для этого уже и отлиты были золотые ключи и блюдо, и готовились выдать всѣхъ русскихъ невольниковъ. Ханъ Ширгазы Айчуваковъ, глазъ–на–глазъ сказалъ хану хивинскому Алла–Кулу, что противъ русскаго войска устоять никто не можетъ.

Ханъ Алла–Кулъ плохъ; онъ слушается старшей жены своей во всемъ; а она сердита, строга съ рабынями своими; а служанки у нЙя всѣ плѣнныя — и часто бьетъ ихъ плетью изъ рукъ своихъ; она скупа до крайности.

Сѣна въ Хивѣ крайне мало; соломы довольно. Коней кормятъ только пшеничной соломою. Воламъ даютъ и

[20]) Походъ генерала Ѳ. Ѳ. Берха.

солому отъ сорочинскаго пшена. За возъ пшеничной соломы, въ которомъ не будетъ четвертой доли русскаго воза, платятъ въ Хузеили и въ Кунгратѣ полтину, а въ Хивѣ рубля полтора и больше. Въ Кунгратѣ есть множество мелкаго камышу, который лошади ѣдятъ хорошо. Имъ кормятъ и аргамаковъ ханскихъ. Мѣстами, въ Хунзеили, Ташъ–Хоузѣ, сѣно, т. е. дятловина, юнчга, дешево: рублей за 15 даютъ тысячу сноповъ, а въ снопу вѣсу фунта два и до четырехъ. Въ Хивѣ за таньку даютъ сноповъ 15. Аргамаку идетъ, въ сутки, 3 снопа юнчга, вдвое противъ этого соломы, да четверть батмана, 11 1/4 фун. ячменю. Есть аргамаки непомѣрно высокіе, до 2 аршинъ и 7 вершковъ; средній ростъ ихъ 2 1/2 вершка. Они вообще смирны, быстры и сносливы, коли есть хлѣбный кормъ; отъ Кунграта можно выѣхать на аргамакѣ въ Сарайчикъ [21]), дней въ 6, въ недѣлю. — Стойлъ въ конюшняхъ хивинцы не ставятъ; аргамаки не дерутся промежъ собой, а

[21]) На Нижне–Уральской линіи, отъ Хивы верстъ до 700.

свыкаются. Они худы и поджары, жирную лошадь вымариваютъ передъ походомъ, и въ хорошемъ тѣлѣ долго лошадей не держатъ; ихъ проѣзжаютъ по два раза въ день, до поту. Поятъ аргамаковъ по два раза въ сутки. Жеребятъ отымаютъ отъ матерей не прежде осени. Коли хотятъ, чтобъ конь поправился, то поятъ, кромѣ ячменнаго корму, болтушкою, мукою на водѣ. У перваго сановника, Ходжешь–Мяхряма аргамаковъ съ десятокъ; да столько же простыхъ лошадей. Аргамаковъ въ Хивѣ всѣхъ цѣнятъ по бойкости въ скачкѣ; за припускъ платятъ по полутилла. Скачка обыкновенно бываетъ отъ Колодцевъ до Хивы: это будетъ верстъ 50. Подготавливаютъ коней на скачку такъ: сначала проѣзжаютъ ихъ по два раза въ день, шагомъ, по верстѣ, тамъ версты по двѣ, по три, тамъ уже и рысью, а наконецъ и скачутъ, однако не во весь духъ. Подготовка эта идетъ мѣсяцъ, два и три. Также подготавливаютъ коней къ походу, а потому ханъ всегда объявляетъ мѣсяца за три, коли куда думаетъ выступать.

Походомъ кормятъ лошадей мало. Карабаировать въ Хивѣ мало [22]); идутъ они больше изъ Бухаріи; платятъ за нихъ до 30 тилла. Кобылъ держатъ мало; аргамаковъ приводятъ больше отъ трухменцевъ, родовъ юмудъ и тэке.

Высвободившихся русскихъ плѣнныхъ во всемъ ханствѣ хивинскомъ не болѣе сотни человѣкъ. Трухменцы и каракалпаки были бы скоро на нашей сторонѣ. И жители хивинскіе противиться не будутъ, не посмѣютъ.

Ханъ посылалъ меня нерѣдко смотрѣть за работами, особенно когда прочищались канавы. Хивинцы боялись меня крѣпко и платили всегда по три таньки въ день, вмѣсто положенной одной, чтобы только я ихъ на работѣ не билъ; хану доказывали на меня за это, да онъ, спасибо, не вѣрилъ. А когда бывали такіе доносы на другихъ, такъ отбиралъ деньги и еще билъ больно. При валовыхъ работахъ этихъ нѣтъ пощады никому; сами хивинцы бьютъ другъ друга не хуже невольниковъ своихъ, и если бы

[22]) Помѣсь отъ киргизской кобылы и туркменскаго аргамака.

самъ бекъ какой–нибудь вышелъ на работу, за неименіемъ плѣннаго, то и ему досталось бы тоже, безъ всякаго различія.

Ханъ Алла–Кулъ начеканилъ новыя таньки, мало чѣмъ побольше старыхъ, да за то велѣлъ класть на тиллу по 24, а старыхъ идетъ 28. Танька эта ходитъ, что базаръ, то иначе. На каждомъ базарѣ устанавливается ей цѣна, отъ 26 до 60 пулъ. Денежный счетъ всегда идетъ абазами, и считаютъ по двѣ таньки на абазъ. Ханъ, который не ходилъ еще воевать, не смѣетъ чеканить своихъ денегъ, да и не молятся за него въ мечетяхъ. Ханъ Алла–Кулъ, на другой годъ послѣ того, что сѣлъ ханствовать, ходилъ воевать на персидскую границу, да съ той поры и правъ и святъ.

Женскій головной уборъ въ Хивѣ походитъ немного на костромскія кокошники, или на прежнія мѣдныя гренадерскія шапки. Уборъ этотъ называется «кабавы», и у богатыхъ женъ бываетъ съ жемчугомъ и каменьями. Трухменки носятъ вовсе русскіе кокошники: поколѣ не приглядишься, такъ

инно чудно. Овцы у нихъ, у трухменцевъ, киргизскія съ курдюками; а хивинскія черныя шапки дѣлаются изъ бухарскихъ мерлушекъ, которыя называются арабскими.

Въ Аму–Дарьѣ осетровъ нѣтъ, а шиповъ много, севрюгъ и бѣлугъ также невидно [23]). За шипа фунтовъ въ 30 платятъ двѣ таньки. Рыба въ Хивѣ не хороша. Каракалпаки больше ѣдятъ рыбу; иные ею почитай только и кормятся, и болѣзней отъ этого не слыхать. Вода въ Хивѣ хороша и здорова; она, правда, мутна немного, но скоро отстаивается.

Въ 1827 году осенью, пріѣзжалъ въ Хиву, никакъ изъ Дербента, человѣкъ лѣтъ 45, въ персидскомъ платьѣ, съ двумя товарищами; онъ сказывался чеченцемъ, былъ у хана Алла–Кулла и просилъ помощи противъ враговъ. Ханъ не далъ ему отвѣта и отпустилъ его такъ, ни съ чѣмъ. Посланецъ говорилъ по татарски, былъ росту высокаго, одѣвался чисто и пріѣзжалъ черезъ Астрабадъ. Изъ Хивы

[23]) Свѣдѣніе это не совсѣмъ согласно съ прежними; но Грушинъ самъ хорошій рыбакъ.

уѣхалъ онъ въ Азарысъ, тамъ въ Бухарію; приближенные хана Рахманъ–Кула хотѣли–было догнать его и убить — да какъ то не посмѣли.

Каракалпаки не любятъ хивинскаго хана, да и онъ ихъ не жалуетъ. Въ случаѣ войны берутъ ихъ человѣкъ по тысячѣ и болѣе, а плата очень мала. Они бы рады перекочевать въ наши степи, да боятся хана и бѣдны крѣпко: нечѣмъ подняться. Трухменцы также драться путемъ противъ русскихъ не станутъ. Они всегда боялись насъ, а послѣ попытки на Бишь–Тюбе узнали какъ слѣдуетъ.

Ханъ отпускалъ прежде невольникамъ своимъ на мѣсяцъ по три пуда зерновой пшеницы (а иногда и мукой), полпуда сорочинскаго пшена, да 10 ф. чечевицы, 10 ф. мяса и 5 ф. кунжутнаго масла, но въ 1816 году пріѣзжалъ изъ Бухаріи какой–то мулла, который сказалъ хану Мохаммедъ Рахиму, что грѣшно содержать русскихъ плѣнныхъ, кяфыровъ, такъ хорошо, что надо ихъ морить голодомъ. Съ тѣхъ поръ ханъ отпускаетъ только по 3 пуда пшеницы,

въ которой бываетъ съ полпуда земли — и болѣе не даетъ ничего. Прочіе, частные жители ханства содержали плѣнныхъ своихъ худо и голодно. Мулла этотъ и теперь еще въ Хивѣ: его больно уважаютъ и возятъ на тележкѣ или носятъ, а ноги у него отнялись вовсе.

Русскаго плѣнника, который ходилъ съ войскомъ хивинскимъ на вооруженный караванъ въ 1824 году, зовутъ въ Хивѣ Василіемъ, а настоящее его имя Петръ Гавриловъ Жолобовъ. Онъ сызранскій мѣщанинъ и въ плѣну уже лѣтъ 25; живетъ на волѣ въ городѣ Зеѣ, гдѣ у него домъ и земля, женатъ на каракалпачкѣ, и прижиты у него съ нею дѣти.

Главная мечеть въ Хивѣ, Полванъ–Ата, выстроена изъ кирпича, со сводомъ. Она не велика, однако человѣкъ 500 въ нее ходятъ. Тѣло Полванъ–Аты лежитъ въ выходѣ, въ подвалѣ, подъ мечетью; но его не показываютъ. Рядомъ съ этою стоитъ и Джума–мечеть, соборная. Она выстроена изъ глины, низка, но просторна; подъ потолкомъ множество стоекъ. Оконъ нѣтъ,

а въ потолкѣ оставлено много дыръ. Въ 828 году складенъ въ Хивѣ кирпичный столбъ, въ 5 сажень вышины; онъ стоитъ около мечети вмѣсто минарета. Въ Куня–Ургянчѣ стоитъ такой же, да только съ незапамятныхъ временъ; онъ вышиною сажень въ 20. Внутри его крутая лѣстница и всходъ до верху; но верхъ уже разсыпается. На развалинахъ Куня–Ургянча ростетъ нынѣ осиновый лѣсъ, годный уже на топливо. Около него кочуютъ юмудды, туркменское племя. Они берутъ воду изъ колодцевъ городскихъ, которые хороши и доселѣ. Во всемъ ханствѣ вода въ колодцахъ хорошая и не глубже одной сажени.

Двери во дворцѣ ханскомъ недавно отдѣланы на желѣзныхъ петляхъ, съ задвижками и щеколдами. Стоитъ у него, у хана, въ одномъ покоѣ и кирпичная печь, но ея не топятъ никогда.

Ханъ, случалось, говаривалъ со мною о всякой всячинѣ; о войнѣ съ Турціею и съ Персіею слышно было тамъ, да только всегда разсказывали неправду: все

говорили, будто турки да персіяне посиловали да побили русскихъ, когда дѣло было наоборотъ. Хивинцы персіянамъ враги непримиримые, а все–таки желали, чтобы они одолѣли насъ. Жителей, полагаю я, по примѣрному, по наслышкѣ, обоего полу во всемъ ханствѣ ста два тысячъ; въ томъ числѣ и каракалпаки и трухменцы. Большая часть народа усбеки и сарты [24]); каракалпаковъ немного, а трухменцевъ не будетъ всего болѣе 1,000 душъ мужескаго пола. Трухменцы лучшіе воины тамошніе. Усбеки считаютъ себя выше всѣхъ; однако съ сартами иногда роднятся.

Лѣтомъ въ Хивѣ дождей почти не бываетъ; осенью по улицамъ и по дорогамъ стоитъ грязь непомѣрная. Жары лѣтніе гораздо побольше астраханскихъ; ночи всегда холодныя; не слышалъ я никогда, чтобы тамъ, какъ у насъ, молніемъ убивало людей, либо занимался пожаръ. Морозы начинаются въ концѣ октября; весною послѣдніе морозы еще бываютъ въ началѣ

[24]) Сарты — коренные жители Мавраннегра, страны между рѣкъ Аму и Сыръ. Сарты персидскаго происхожденія. Усбеки, завоеватели страны этой, по сложенію и языку турки.

марта. Рѣка становится около Рождества, а черезъ мѣсяцъ опять вскрывается; въ иную зиму ледъ бываетъ безъ малаго въ аршинъ толщины, а въ иную и рѣка вовсе не становится. Такъ, напримѣръ, зима съ 27 на 28 годъ была жестокая; рѣка стояла недѣль 6, снѣгъ лежалъ въ колѣно. Весною разливъ мѣстами бываетъ, однако луговъ нѣтъ, на поемныхъ мѣстахъ ростетъ только ржаникъ, т. е. мелкій камышъ; послѣ Петрова–дня бываетъ другой разливъ, отъ тающаго въ горахъ снѣгу, да только поменьше весенняго. Бродовъ по Аму–Дарьѣ нѣтъ нигдѣ, даже выше Чарджуя [25]) на 100 верстъ, гдѣ случалось мнѣ бывать. И ширина рѣки тамъ такая же, какъ противъ Хивы.

Изъ множества плѣнныхъ нашихъ случилось мнѣ, опричь тѣхъ, которымъ пособилъ уйдти, выкпить на свои деньги двоСхъ: Анисію Иванову, оренбуржскую казачку, взятую вмѣстѣ съ мужемъ, въ 1821 году, въ Изобиленскомъ отрядѣ; она была у Алла–Шукура Пачаева, въ самой

[25]) Пограничная крѣпостца, на хивинскомъ рубежѣ.

Хивѣ, въ тяжелой работѣ; лѣтъ ей отъ роду 50. Я заплатилъ за нее 25 тилла. Нынѣ она осталась у мужа, казака Тимофѣя Киселева, который въ неволѣ въ Хивѣ у Хаджешь–Мяхряма; да еще Афанасія Тарасова Давыдова, сызранскаго пахатнаго солдата, взятаго въ плѣнъ лѣтомъ 1814 съ Бакланьяго острова, на Каспійскомъ морѣ. Давыдовъ сначала проданъ былъ хивинцу, а тамъ купилъ его ханскій главный конюшій Дементій Ивановъ; у этого жилъ Давыдовъ 12 лѣтъ, а въ 1826 году сжалился я надъ старикомъ, а ему было лѣтъ за 80, и выкупилъ его у Иванова за 15 тилла. У Давыдова въ Астрахани, надо–быть, есть два сына: старичекъ нынѣ и на волѣ, да ужъ оттолѣ его не выпускаютъ, а уйдти потихоньку онъ боится. И нельзя не бояться: поймаютъ, такъ врядъ ли ему глаголя миновать; у вольнаго господина нѣтъ, пожалѣть да покорыститься на него некому [26]).

[26]) Т. е. если сбѣжитъ невольникъ, то хозяинъ старается выхлопотать ему прощеніе и не скоро самъ рѣшится лишить его жизни, потому что съ тѣмъ вмѣстѣ лишился бы и работника; у вольнаго, напротивъ того, нѣтъ ходатая, пожалѣть его некому.

***Примѣчаніе*. Грушинъ атлетъ тѣломъ и человѣкъ расторопнаго, русскаго ума — нынѣ живетъ въ Астрахани и торгуетъ пряниками.**